

Две из двух десятков

В 2001 году Институт экологических проблем Севера Уральского отделения РАН (г. Архангельск) провел около двух десятков полевых экспедиций, из которых наиболее примечательными, как мне представляется, были две.

1. На Земле Франца-Иосифа

Этот архипелаг — самая северная российская территория, состоящая из 132 больших и малых островов в Баренцевом море, общая площадь которых превышает 16,5 тыс. км², где 87 % покрыто крупными вечными ледниками. Здесь зарождаются, отсюда выходят многие айсберги.

Прибрежные местности (13 %) каждый август открываются от снега и льда, в результате чего можно наблюдать бурную арктическую жизнь, в которой участвуют до 50 типов растительности, бесчисленные птичьи базары и, конечно, постоянные здешние жители — тюлени, моржи и белые медведи.

Острова эти сформировались на континентальной окраине и до сих пор находятся в активной зоне, то есть еще не так давно тут действовали вулканы, о чем свидетельствуют обширные базальтовые покровы, неки и даже кальдеры.

Это разнообразие поражает даже бывалых исследователей, и недаром сейчас архипелаг Земля Франца-Иосифа является Государственным природным заказником, а в дальнейшем, уже достаточно скоро, планируется создание здесь Национального парка России, что, видимо, нужно считать необходимостью.

Пока же территория изучена, к сожалению, весьма слабо, и поэтому немаловажное значение имела проходившая с 1 по 28 августа экспедиция на гидрографическом судне “Яков Смирницкий” заведующего лабораторией экологической радиологии нашего института Г. П. Киселева и научного сотрудника этой лаборатории С. Б. Зыкова. Целью

экспедиции было определение радиоактивного гамма-фона и активности природных и техногенных изотопов во мхах, лишайниках, почвах, горных породах и донных отложениях, а также установление возможности современного техногенного радиоактивного загрязнения.

Несмотря на стоявшую весь месяц штормовую погоду, когда все (сильный ветер, высокая прибойная волна, каменистые берега) препятствовало высадке, ученые смогли отобрать на островах 110 проб, чтобы уже на судне с помощью гамма-спектрометра “Прогресс” выявить, что общая активность на архипелаге низкая (обычно 3—6, максимум 15 микрорентген в час), что обусловлено составом низкофо-

новых пород и ледниковыми покровами. Быстро распадающихся техногенных изотопов (например цезия — 134, кобальта — 60) не было обнаружено, зато в лишайниках и мхах отме-

чено повышенное содержание одного из наиболее опасных изотопов — цезия-137, накопившегося из глобальных выпадений.

Надо сказать, что экспедиция Г. П. Киселева и С. Б. Зыкова не только привезла уникальный материал (он раскрывает структуру радиоактивности архипелага), но и подтвердила необходимость скорейшего создания постоянно действующих научно-исследовательских станций на Земле Франца-Иосифа, способных в будущем стать полноценной основой Национального парка.

2. Вместе с Туром Хейердалом

Пожалуй, начну все-таки с того, что такая экспедиция не стояла и не стоит в планах нашего института, хотя активное участие в

Пока же территория изучена, к сожалению, просто слабо, и поэтому немаловажное значение имела проходившая с 1 по 28 августа экспедиция на гидрографическом судне “Яков Смирницкий”.

ней принимал его заведующий лабораторией охраны природных территорий и экологии культуры А. Н. Давыдов, которого персонально пригласил для работы ее руководитель — всемирно известный путешественник и исследователь норвежец Тур Хейердал.

Экспедиция проходила на берегах р. Дона в районе Азова, раскопки под началом С. И. Лукьяшко вели в основном студенты Ростовского государственного университета и сотрудники Азовского краеведческого музея. Собранные археологические материалы свидетельствуют об этнокультурных взаимодействиях, характерных на этой территории в раннем средневековье... Но, простите, что искал и что нашел там, на юге России, Тур Хейердал? Зачем понадобился ему именно архангельский эколог, работающий в принципиально других природных условиях?

А. Н. Давыдов рассказывает:

“Книга “Хеймскрингла” (“Круг Земной”) начинается так: “...велел я записать древние рассказы о правителях, которые были в северных странах и говорили на датском языке (в то время так называли все скандинавские языки, — А. Д.), как я их слышал от мудрых людей, а также некоторые из родословных, как они были мне рассказаны. И хотя сами мы не знаем, правда ли эти рассказы, но мы знаем точно, что мудрые люди древности считали их правдой”. Возраст рассматриваемого документа или, если точнее, собрания саг превышает восемь столетий, и исследователи давно привыкли рассматривать его как достоверный и важный исторический источник, хотя первую главу (“Сага об Инглингах”) они все-таки относят скорее к легенде, чем к настоящей истории. Действительно, происхождение и судьба бога Одина вызывала и вызывает интерес чаще всего у этнографов и специалистов по мифологии Скандинавии: например, в “Германо-Скандинавской мифологии” Е. М. Мелетинского и А. Я. Гуревича (знаменитое издание “Мифы народов мира”) страна легендарных асов размещается на небе и сами асы названы, разумеется, богами (по сути, авторы лишь повторяют слова Ж. Дюмезиля). Однако в своих текстах Снорри Стурлуссон дает

адрес, где обитали асы, — “Страна в Азии к востоку от Танахвиля величается Страной асов или Жилищем асов, чья столица Асгард”. Теперь давайте-ка остановимся: убежден, “к востоку от Танахвиля” означает “к востоку от Танаиса” (так по-гречески именовалась река), то есть к востоку от Дона. Значит, тут и только тут следует искать корни, земные корни бога Одина.

В декабре 2001 г. в Осло Тур Хейердал выпустил свою книгу “Охота за Одином” (конечно же, на норвежском языке), где вся эта теория подтверждается многими фактами. Так, описание народа ас нередко встречается у средневековых авторов, один из которых — Роджер Бэкон — прямо называет асов родственниками сарматского племени аланов, отчего наши раскопки и происходили на местах древних сарматских поселений.

Я давно знаком с Туром Хейердалом и всячески стараюсь помогать ему. Во время этой экспедиции мне также пришлось вместе

Что искал и что нашел там, на юге России, Тур Хейердал? Зачем понадобился ему именно архангельский эколог, работающий в принципиально других природных условиях?

с ним побывать на конференции “Великие реки” в Нижнем Новгороде, затем специально выезжать в Санкт-Петербург и Новгород Великий, где

он не только познакомился с археологическими и этнографическими коллекциями, но и состоялись его встречи и дискуссии с видными российскими учеными — заведующим кафедрой археологии Санкт-Петербургского государственного университета доктором исторических наук Д. Г. Савиновым, ведущими специалистами Эрмитажа докторами исторических наук М. Б. Шукиным и Д. А. Мачальским, ведущим специалистом Российского этнографического музея доктором исторических наук И. И. Шаньгиной и другими.

Безусловно, новая теория и новая работа прославленного норвежца нашли понимание и поддержку в России.

Уже в 2002 году планируется начать работы по созданию Российско-Норвежского научно-исследовательского центра, с инициативой организации которого выступил Тур Хейердал”.

Ф. Н. Юдахин

директор Института экологических проблем Севера УрО РАН, член-корреспондент РАН

Н. В. Федорова

кандидат исторических наук, начальник Ямальской археологической экспедиции Института истории и археологии УрО РАН

Салехардские мумии

Находка требует исследования

К сегодняшнему дню нами обнаружено пять мумифицированных объектов. Все они найдены при раскопках, проводимых Ямальской археологической экспедицией Института истории и археологии УрО РАН. Из пяти объектов четыре — мумии детей в возрасте от полутора до семи лет, один — мумия мужчины 35—40 лет. Дата, полученная дендрохронологическим методом в лаборатории проф. С. Г. Шиятова (Институт экологии растений и животных УрО РАН) для погребения с мумифицированными останками мужчины — 1282 г. н. э. Финансирует экспедиционные работы администрация Ямало-Ненецкого автономного округа.

Ямальская экспедиция почти в полном составе

Введение в тему

Две страны — Австрия и Италия — боролись за приоритет в исследовании тела человека, замерзшего более 5000 лет назад в Эццальских горах (Альпы, граница Австрии и Италии). Знаменитый сейчас Эцци (как его называли по месту находки) был обнаружен 10 лет тому назад, но его продолжают изучать и поныне в различных научных центрах мира. В частности, сравнительный анализ митохондриальной ДНК объекта и образцов, взятых у современных людей, проведенный в Оксфорде и Мюнхене, показал, что Эцци наиболее близок современному населению Альп и Северной Европы. То есть население зоны Альпийских гор генетически почти не изменилось за 5 тысяч лет — важный вывод для изучения этногенеза народов Западной Европы, выработки у них

систем биологической и культурной адаптаций.

Исследование почти каждой из найденных и сохранных мумий — это захватывающий процесс научного поиска, иногда приводивший к открытию новых путей в науке или к ответам на глобальные вопросы истории человечества. В последнее десятилетие выделилась совершенно особая отрасль науки — молекулярная археология, базирующая свои исследования во многом на изучении мумифицированных останков людей из разных регионов планеты: от болот Европы до высокогорья Анд. Традиционная археология также получает много новых фактов от исследования мумий. Главным образом речь идет о таких объектах, которые не сохраняются в обычных условиях — предметы одежды и туалета, конструкции причесок и т. д.

Возникает вопрос, почему именно мумифицированные останки вызывают столь большой интерес и у специалистов по молекулярно-генетическим исследованиям, обычно предпочитающих в качестве образцов для извлечения генного материала зубы? Я не биолог, и уж тем более не генетик, но мне кажется, что это происходит по двум причинам. Первая из них сугубо научная: каждая находка мумифицированного объекта позволяет произвести комплексное исследование человека: от его одежды и прически до схемы питания и наличия у него различных заболеваний. Вторая причина, мне кажется, чисто эмоциональная: мумия — редкая находка, привлекающая своей необычностью. Вряд ли такое же всеобщее внимание могла бы вызвать находка обычного человеческого скелета в древнем погребении, если, конечно, возраст этого погребения не запределен с точки зрения сроков человеческой истории. Мумии же известны по именам “собственным” — Эцти, рыжий Фриц, или “географическим” — египетские, пазырыкские, европейские, синьцзянские...

Теперь к этим “географическим” именам добавляется еще одно — салехардские мумии. Название уже вошло в обиход через

средства массовой информации, пока мы мучительно пытались придумать своим находкам какие-то звучные имена.

Предыстория

Ямальская археологическая экспедиция уже почти десять лет работает на севере и северо-западе Ямало-Ненецкого автономного округа: в Ямальском, Приуральском и Шурышкарском районах. Мы начинали если и не с “белого листа”, то, во всяком случае, с массы “белых пятен”. Последнее и единственное исследование, обобщающее археологические материалы по северу Западной Сибири, в том числе и те немногие с территории ЯНАО, проводилось в 1953—1957 годах. При этом самый север — полуостров Ямал, являющийся не только частью территории, но и ее символом, был практически не изучен. Мы начинали свою работу с относительно простого. Относительно — потому, что “простого” в реконструкции фактов древней и средневековой истории, проводимой на археологическом материале, не бывает. Первый естественный шаг — ревизия того, чем мы владели для своих исследований, то есть анализ источниковедческой ба-

зы. Такой анализ мы сделали в 1994 г. в виде “Археологической карты” ЯНАО, опубликованной автором совместно с Л. Л. Косинской, причем, лишний раз убедились, сколь мала эта база для решения самых насущных вопросов ямальской археологии.

Следующая задача вырисовывалась сама собой: выявление новых памятников археологии в тех районах, в которых их мало или почти нет, раскопки наиболее интересных, значимых из них. Так, за последующие пять лет было проведено

Начальник экспедиции Н. Федорова и сотрудник экспедиции В. Липатов

обследование нескольких территорий и раскопано несколько памятников, ставших потом опорными в наших построениях. В их числе городище (жертвенное место) Усть-Полуй, поселение Тиутей-Сале 1, городище Ярте VI и другие. Вскоре мы смогли — в первом приближении — решать вопросы заселения человеком полуострова Ямал и выработки основных систем хозяйственной адаптации его населения к условиям Крайнего Севера. Далее мы вплотную подступили к проблемам этногенеза, формирования биологической и культурной адаптации. Не скажу, что мы сознательно ставили своей задачей поиск материалов для этих исследований в раскопках древних могильников — эта задача слишком сложна, потому что никто не знает, где эти самые могильники нужно искать. Находят их чаще всего или случайно, или при планомерном обследовании некоторой небольшой территории.

В нашем случае было и первое и второе: мы нашли могильник у поселка Зеленый Яр случайно, но при планомерном обследовании берегов реки Полуй. В 1976 г. известный археолог-северовед из Ленинграда Л. П. Хлобыстин проводил разведочное обследование реки Полуй. И у поселка Зеленый Яр на берегу протоки Горный Полуй он нашел несколько довольно скудно орнаментированных фрагментов керамики. Хлобыстин назвал памятник стоянкой Горный Полуй. В 1997 г. наша группа проводила повторное обследование этой территории (по требованиям Министерства культуры РФ такие переобследования-инвентаризации памятников археологии необходимо проводить каждые пять лет — мера может быть и нужная, но абсолютно нереальная). На месте обнаруженной Л. П. Хлобыстиным стоянки мы тоже нашли несколько фрагментов керамики и решили заложить шурф с целью выяснения мощности и насыщенности материалом культурного слоя. И вот тут все решил случай — мы могли заложить этот самый шурф, размером метр на метр, где угодно, но мы заложили его именно в том

месте, где на глубине 30—40 см от поверхности зафиксировали погребение. Естественно, шурф пришлось расширить. Погребение оказалось мужским; в деревянном гробу, от которого остались следы вдоль стенок могилы, в положении “вытянуто на спине” лежал костяк с железным боевым ножом у левого плеча, с небольшим медальоном из плохого серебра и разрубленной бронзовой фигурой птицы в нижней половине могилы. Дата захоронения по найденным вещам устанавливалась в пределах VII—IX вв. н. э. Так был найден первый на севере Ямало-Ненецкого округа средневековый некрополь, названный по имени поселка — могильник Зеленый Яр.

Насколько можно судить по многочисленным ямкам-углублениям на поверхности террасы, большая часть которой покрыта низкорослым лиственным лесом и кустарниковым подлеском, площадь, занимаемая могильником, очень велика. Точное количество могил сейчас, естественно, назвать невоз-

можно, т. к. некоторое число этих углублений может не иметь никакого отношения к могильнику, но в том, что их около сотни, если не больше — сомнений

Никто не знает, где эти самые могильники нужно искать. Находят и чаще всего или случайно, или при планомерном обследовании некоторой небольшой территории.

нет. С 1999 г. мы ежегодно проводим раскопки памятника.

К настоящему времени исследовано 27 погребений и межмогильное пространство, в котором обнаружены два жертвенных комплекса, состоящих из металлических вещей и глиняных сосудов, металлургический комплекс, установлены примерные границы ареала, занятого некрополем, сделаны первые предварительные выводы относительно его датировки и погребального обряда, состава погребенных.

Описание погребений и результаты их исследования

Все погребения могильника — грунтовые, совершены в неглубоких узких ямах. Во всех могилах — где-то лучше, где-то хуже — фиксируются следы деревянных конструкций (гробов-колод или лодок), почти во всех встречены выстилки или покрывала

из бересты. Во всех могилах, в которых это удалось проследить, за одним исключением (погребение 15, детское), захороненные лежали в позе “вытянуто на спине”, руки положены вдоль туловища или сложены на костях таза. Все они ориентированы ногами к реке, что, по-видимому, связано с какими-то религиозными представлениями. Но относительно сторон света встречаются три положения могил: погребения, ориентированные по линии С-Ю (таких всего два); по линии СЗ-ЮВ (11 погребений) и по линии СВ-ЮЗ (14 погребений).

На плане раскопанной части могильника замечены группы могил с одинаковой ориентировкой, расположенные довольно компактно. Каждая группа включает по несколько мужских и детских захоронений. Женских могил не обнаружено — это пока одна из загадок могильника. Всего же в 13 могилах похоронены дети в возрасте от 1,5—2 до 7—8 лет; 8 бесспорно содержат мужские захоронения, 4, вероятно, тоже мужские; и 2 пока не определены, но в одном из них, скорее всего, похоронен подросток, другое же очень сильно разрушено.

Кстати, преднамеренное разрушение могил, вернее, той их части, где находилась голова и верхняя часть тела погребенного — одна из характерных черт, которые мы зафиксировали при раскопках. Всего таким образом пострадали 11 из 27 погребений. Все они содержали мужские захоронения. В результате, иногда череп погребенного, иногда вся верхняя часть скелета или разрублены и брошены обратно в могилу, или вообще отсутствуют. Причем эти действия совершались не с целью грабежа, а, может быть, с намерением как-то обезопасить себя от тех, кто там погребен, уничтожить их сакральную силу.

Разрушения могил — не единственные следы так называемой “охранительной магии”. Еще в самом начале наших раскопок мы обратили внимание на то, что могилы очень узкие. Работавший в составе нашей экспедиции антрополог Д. И. Ражев предположил, что погребенных крепко связывали перед

тем, как уложить в могилу. Следы от кожаных ремней, стягивающих тело в двух-трех местах, мы действительно обнаружили в следующем сезоне в нескольких погребениях. Кроме того, бросалось в глаза небольшое количество погребального инвентаря, т. е. вещей, положенных в могилу. На фоне богатых погребений средневековых кладбищ Среднего (Сургутского) Приобья наши выглядели довольно бедно: нож или наконечник, несколько бусинок или цепочек от шумящих подвесок в детских погребениях, тот же нож или наконечник — в мужских. В некоторых

опять же мужских могилах были обнаружены бронзовые антропоморфные или птицевидные фигурки, разрубленные на несколько частей, причем трижды они фиксировались в мужских захо-

ронениях, не подвергшихся ритуальному разрушению (п. 1, 11, 16). Закономерность это или случайное совпадение нам предстоит решить в будущем.

Еще одна необычная, нигде до сих пор не встреченная черта погребального ритуала могильника Зеленый Яр — частое употребление фрагментов медных котлов, причем всегда очень небрежно или, вернее, грубо вырезанных, практически вырванных из их стенок. Иногда использовались совсем небольшие куски, которые лежали в разных местах могилы — на голове, на коленях и т. д. Иногда — крупные фрагменты, закрывающие все лицо погребенного или даже его тело, как в п. 27. Но в любом случае это фрагменты *металлических котлов*, имеющих в то время очень важное, сакральное значение. Котлы из меди или бронзы, вообще металлическая посуда в древности и средневековье обладала совершенно особым статусом. Это не просто сосуд для приготовления или поедания пищи: это вместилище особого, пиршественного блюда или напитка, это показатель особого уровня трапезы, особого социального положения устроителя пира. Можно предположить, что и в погребальном ритуале они играли какую-то совершенно особую роль, поэтому важен был не их внешний вид (куски с неровными, рваными

Еще одна необычная, нигде до сих пор не встреченная черта погребального ритуала могильника Зеленый Яр — частое употребление фрагментов медных котлов, причем всегда очень небрежно или, вернее, грубо вырезанных, практически, вырванных из их стенок.

краями не обрабатывались перед положением в могилу), а их наличие в погребении и расположение на теле погребенного.

Нередкой, если не повсеместно распространенной чертой языческого (здесь имеется в виду — дохристианского или домусульманского) погребального обряда является обычай ставить в могилу посуду — керамическую, стеклянную, металлическую. Керамический сосуд может при этом несколько отличаться от обычной для данного времени и культуры посуды, а может быть точно таким же, как она; у железного или медного котла в погребении может быть пробито дно, но это, тем не менее, положенные или поставленные в погребение сосуды. Железные котлы, медная и стеклянная посуда, эмалированные кастрюли и тазы до сего времени кладутся (ставятся) в могилы и рядом с ними на современных кладбищах северных ханты и ненцев. Но ни в одном погребении могильника Зеленый Яр, кроме сильно разрушенного п. 2, не обнаружены керамические сосуды, хотя они к этому времени еще не вышли из употребления, нет и целых медных котлов. По-видимому, упоминавшиеся выше фрагменты котлов были символом некоего важного понятия (события, представления), а не просто кусками разломанной посуды.

Керамики, впрочем, было очень много в межмогильном пространстве. С находки нескольких черепков, собственно, и началась история изучения памятника. Почти все фрагменты принадлежат к так называемому зеленогорскому типу, датируемому временем VI — начала VIII вв. н. э. Только несколько черепков относятся к более позднему периоду — около X—XI вв. Довольно часто они находятся на уровне древней почвы возле могил. Поскольку в самих погребениях датирующие вещи (дающие возмож-

ность определить дату по аналогии) практически отсутствуют, а за пределами могил кроме керамики было обнаружено еще два жертвенных комплекса, один из которых имел хорошую дату, совпадающую с датой основного керамического комплекса, мы и посчитали VI—VII вв. н. э. временем начала функционирования могильного комплекса, а фрагменты глиняной посуды — остатками тризн, совершаемых во время или после похорон. Кстати, на расположенном неподалеку современном поселковом кладбище такие следы трапез в межмогильном пространстве встречаются сплошь и рядом, только вместо глиняных черепков там валяются куски стеклянной и фарфоровой посуды. Верхняя дата — XII в. н. э. — определялась по находкам опять же в межмогильном пространстве вещей, характерных для того времени. Это была серебряная серьга и серебряный же с чернью двустворчатый браслет. Обе вещи изготовлены мастерами Волжской Болгарии и являются свидетельством развитых торговых связей местного населения с далекими западными центрами. Вещи, найденные в могилах, в том числе и в п. 27 (топор и пряжка с изображением медвежьей головы) этой датировке вроде бы не противоречили. Поэтому мы сначала были так

Расчистка мумии из погребения 24

удивлены, когда проф. С. Г. Шиятов, с лабораторией которого мы давно и плодотворно сотрудничаем, определил дату п. 27 по найденному там фрагменту хорошо сохранившейся древесины — 1282 г., то есть самый конец XIII в., добавив, что этот год был завершающим в ряду теплых (очень теплых) лет, сменившихся сильнейшим похолоданием. Похолодание было настолько сильным, что было бы не удивительно, если бы в то время так называемая вечная (на самом деле — многолетняя) мерзлота доходила до поверхности почвы, как это фиксируется сейчас на полуострове Ямал, например. Возможно, что этот фактор способствовал, наряду с другими, появлению феномена “салехардских мумий”.

Мумии могильника Зеленый Яр

Первый мумифицированный объект мы обнаружили в конце сезона 2000 года. Погребение 15, начиная с самых верхних слоев, выглядело несколько необычным: во-первых, яма была гораздо более широкой, чем все остальные, вскрытые до того. Во-вторых, вздутие на берестяном покрове ясно свидетельствовало о наличии там чего-то кроме костей захороненного ребенка (что погребение детское, мы легко определили по его небольшой длине). Когда была поднята береста, укрывающая все погребение, мы увидели хорошо сохранившийся мех и явно человеческие волосы под ним в одном конце могилы. У нас не было опыта работы с подобными находками — да его и ни у кого нет, потому что, забегая вперед, скажу — они уникальны. Убедившись в наличии, кроме хорошо сохранившегося головного убора из меха, верхней части одежды и покрывала из оленьей шкуры, мумифицированной головы ребенка, на лице которого прекрасно различались щека, глазница, веки и ресницы, мы сделали все возможное в наших условиях для того, чтобы сохранить этот объект. Лицо, как нам показалось, девочки (и что самое удивительное — мы не ошиблись) было прикрыто покрывалом из оленьей шкуры с нашитыми на него изнутри медными пластинами — фрагментами котла и обрамлено довольно длинными и густыми черными волосами. Кожа лица также была чер-

ного цвета и блестела глянцевым блеском. Впрочем и волосы, и кожа довольно быстро начали тускнеть на воздухе, волосы впоследствии даже порыжели.

Сотрудники экспедиции находились в трудном положении: с одной стороны, совершенно очевидно, что объект надо поскорее доставать из земли, упаковывать и срочно транспортировать в Салехард для последующего хранения в условиях постоянной температуры около нуля градусов и пониженной влажности. Тем более, что лето стояло на редкость жаркое, температура воздуха 25 градусов тепла была обычной, все вокруг высохло, в окрестностях начинались пожары. С другой стороны — объект необходимо было подробно описать, сфотографировать, зарисовать, заснять на видео — иначе множество информации окажется безвозвратно утерянной. Мы попытались совместить и то и другое, как показало время, нам это удалось сделать без особых потерь.

Мумия из п. 15 в течение почти месяца сохранялась в морге г. Салехарда, а тем временем решалась ее дальнейшая судьба. Единственное учреждение в России, которое имеет опыт работы с мумифицированными объектами, в том числе и археологическими, находится в Москве — Научно-исследовательский и учебно-методический центр биомедицинских технологий ВИЛАР. Значит, мумию необходимо доставить туда, предварительно заручившись согласием руководства Центра и обещанием администрации Ямало-Ненецкого округа профинансировать работы по консервации мумии. К концу августа все необходимые согласования были сделаны и на обычном рейсовом самолете в самодельном деревянном ящике мы повезли нашу первую (тогда казалось — единственную) мумию в Центр ВИЛАР.

Специалисты уникального, не имеющего аналогов в мире НИЦ БМТ ВИЛАР, руководимого академиком РАМН В. А. Быковым, распаковав объект (кстати, мумия сохранилась, практически, без повреждений), были несколько озадачены. Как объяснил нам зам. директора Центра академик РАМН Ю. И. Денисов-Никольский, с подобными объектами они еще не имели дела: во-первых, сохранность объекта оставляла желать лучшего — более-менее хорошо сохрани-

лась голова и самый верх туловища, остальное было сильно сплющено, кости детского скелета разложились, соответственно, мягкие ткани сильно усохли, в них было много песка от вмещающего погребение грунта, фрагментов дерева, бересты, меха. Во-вторых, в отличие от уже известных археологических мумий, например пазырыкских (алтайских), сохранившихся благодаря искусственной вечной мерзлоте, наша была абсолютно сухая, что требовало выработки совершенно новых методик консервации. Тем не менее, коллектив под руководством профессора Ю. А. Ромакова взялся за эту работу и с честью довел ее до конца. Забегая вперед, скажу, что в настоящее время законсервированная мумия девочки 7 лет из п. 15 приведена в экспозиционное состояние и передана в Ямало-Ненецкий окружной краеведческий музей.

Работы продолжались почти год.

Попутно Ю. И. Денисов-Никольский обратился в Институт молекулярной биологии РАН, в кабинет изучения древней ДНК с предложением провести анализ ДНК мумии в целях определения ее половой принадлежности (напомню, девочкой мы ее посчитали априори) и расово-генетической принадлежности. Это была большая удача для нас, потому что, начавшись как эпизод, сотрудничество с группой кандидата биологических наук А. Б. Полтарауса постепенно выливается в очень интересную совместную работу по изучению не только одной мумии, но всего могильника Зеленый Яр.

Поскольку я не являюсь специалистом в данной области знаний, не буду пересказывать результаты, полученные А. Б. Полтараусом и Е. Е. Куликовым, повторю только то, что они сами находят возможным обнаружить — половая принадлежность мумии с большой долей вероятности определена как женская, а с

точки зрения расово-генетической она оказалась наиболее близка современным европейцам. Наши московские коллеги предполагают сделать анализы всех пригодных для этого останков из других погребений могильника, тогда мы будем иметь довольно большой и качественный материал для сравнений и выводов.

Повторюсь — мы были абсолютно уверены в уникальности объекта из погребения 15, поэтому не готовились ни морально, ни материально к подобным находкам в сезоне 2001 г. У археологов есть такая примета: если берешь в поле много упаковочного материала, находок будет мало, а если берешь

его мало, то вот мы и столкнулись с верностью этой приметы. Первый звоночек, который заставил нас насторожиться, был при расчистке детского погребения

21. Вроде бы, ничего особенного, но сохранилось поразительно много остатков меха, какой-то органики, растительных фрагментов. У южного края раскопа, в квадратах Е/9, 10 зафиксированы три могильные ямы, погребения 23, 24, 25. Судя по размерам — явно детские, около 1 м в длину, менее 50 см в ширину. Сначала все так же, как и обычно:

Дни с утра до вечера были насыщены до предела. Бесконечные споры на тему “как быть” грозили завести всех в тупик, так как половина из нас была уверена, что знает лучше, как и что надо делать, о половине сомневалась во всем.

Лицевое покрытие из бронзы в погребении 27

засыпка ям из светлого, перемешанного песка, деревянные плашки от верхнего перекрытия, положенные по длинной оси могилы, под ними опять светлый песок — все эти конструкции и стадии их разрушения мы фиксировали практически во всех могилах. Но далее в погребениях 23, 24 и 25 под слоем заполнения расчищаются деревянные саркофаги-колоды, напоминающие по форме лодку — с относительно плоской “кормой”, обращенной к лесу и заостренным “носом”, смотрящим в сторону реки. Конструкция сверху полностью закрыта, слегка выпуклая. В двух местах фиксируется что-то вроде перетяжек из прутьев или корней, как бы привязывающих колоду-саркофаг к земле, или препятствующих тому, кто захочет выйти из него. После тщательной расчистки колод, мы их тихонько простукали деревянными ручками своих инструментов — звук явно указал на то, что внутри какая-то полость, заполненная чем-то рыхлым или мягким, но не землей.

Истонченное от времени дерево снималось с трудом, под ним сразу начинался слой меха, лежащий ворсом внутрь. После снятия верхнего мехового покрова мы увидели медные скрепы, шириной 5—6 см, грубо вырезанные все из тех же медных котлов, их бы-

ло по 4—5 на каждое погребение, они туго охватывали — стягивали погребенных, которые представляли нам в виде свертков меха. Скрепы, как и перетяжки из прутьев поверх саркофага, только создавали видимость охвата погребенных, на самом деле они просто были положены сверху, не проходя под ними. Лица также были закрыты медными пластинами.

Все три погребения были организованы совершенно одинаково, за исключением некоторых деталей: так в одно из них поверх меха был положен, очевидно, дерн — сохранились листики, стебли и корни травянистых растений; второе поражало качеством меха, темно-коричневого и блестящего, в третьем прекрасно сохранились меховые длинные сапожки, поверх которых были положены (третья линия защиты?) черные кожаные ремешки. Внутри меховых “свертков”, которые мы попытались взять с максимальной осторожностью, обнаружили детские мумии разной степени сохранности. Высохшая черного цвета плоть была совершенно плоской, но некоторые детали поражали и вызывали сложный комплекс чувств, иногда весьма далекий от трезвого и холодного научного подхода: у одного ребенка оказались великолепные волосы, у другого —

рука, вернее, ручка, лежащая вдоль тела сохранилась так хорошо, что видны были морщинки на фалангах пальцев. Мы пытались смотреть на них только и исключительно как на археологические объекты, но, честно говоря, некоторым из нас это удавалось с большим трудом.

И снова мы оказались в прошлогодней ситуации: что и как делать? Первым делом надо было определить приоритеты: что для нас важнее, сохранность или информация? Необходимо было обеспечить максимальную

Лицо мумии из погребения 27

сохранность находок, но при этом попытаться понять, что и как лежит в погребении, или брать его монолитом, не разбирая? Информация, полученная от прошлогодней находки казалась недостаточной. Посоветоваться было не с кем, приходилось брать ответственность на себя. При этом мы прекрасно отдавали себе отчет в том, что все недостатки нашей работы, субъективные или объективные, будут нам поставлены в вину — не доглядели, не сообразили, не учли и т. д. Специалисты НИЦ БМТ ВИЛАР сетовали на то, что с первой мумией мы захватили слишком много песка. В этом году мы постарались взять его как можно меньше. Работа по разборке погребения, содержащего мумифицированные останки и меховые одежды — крайне медленный процесс, и в то же время мех и мумифицированные ткани пересыхают на воздухе и их нужно как можно скорее паковать.

Дни были насыщены до предела. Бесконечные споры на тему “как быть” грозили завести всех в тупик, так как половина из нас была уверена, что знает лучше, как и что надо делать, а половина сомневалась во всем. Нашли компромисс: решили разобрать и отдельно упаковать верхние покровы, а остальное запаковывать не разбирая. Весь процесс был заснят на видео и многократно сфотографирован, подробнейшим образом описан в дневнике раскопа и зарисован на чертежах. Мех и бронзу упаковывали в фольгу, потом обернули в бумагу и подписали каждую находку. Самое трудное было вынуть мумифицированные останки, не повредив их. Для этого вокруг могилы выбирался грунт так, чтобы она оказалась на своего рода “столе” из песка. Потом на минимальном расстоянии от дна песок прорезали проволокой, в этот разрез немедленно вставляли фанеру. На этой фанере мумии поднимали из раскопа и начинали “пеленать” бинтами и фольгой в несколько слоев. Когда они становились действительно похожи на египетские и приобретали некоторую устойчивость и прочность, их опускали в заранее сколоченный по размерам “объекта”

ящик из дерева. Ящик заколачивали и относили в тень — погода опять стояла довольно жаркая.

Экипировка практически любой археологической экспедиции в России оставляет желать лучшего. Естественно, приходится жить по принципу: “если у тебя нет ста рублей, то имей, по крайней мере, сто друзей”. Друзья у нас в Салехарде замечательные, поэтому с вывозом мумий и помещением их в городской морг проблем не возникло. Обсуждалась дальнейшая судьба наших находок. Большинство склонялось к варианту отправки их в Екатеринбург, так как консервация такого количества объектов в Москве весьма затруднительна, да и хотелось разобраться с ними в спокойной обстановке, а не в полевых условиях.

Описать наши эмоции в тот момент я не берусь — ничего подобного мы не ожидали. Потом, несколько остыв и успокоившись, мы рассмотрели все удивительно хорошо сохранившиеся детали: высокие скулы, выступающий нос, довольно тяжелый подбородок, рыжеватые усы и волосы.

Между тем, к северу от погребений с мумиями ближе к реке обнаружили остатки чего-то, явно связанного с металлообработкой: обожженные крупные камни, черная от угля земля,

обильный слой ярко-красного прокала под ней, большое количество фрагментов ошлакованной керамики, тиглей так называемой рюмковидной формы, шлаков, иногда слитки металла. Все это занимало площадь около 15 кв. м, в центре которой были расчищены остатки небольшой печи для варки железа. Таким образом, мы явно имели дело с металлообрабатывающим комплексом, на котором варили железо из болотной руды и переплавляли медные и бронзовые изделия. По форме тиглей и орнаменту на керамике комплекс датируется VI—VII вв. н. э.

Комплекс интересен сам по себе, так как в этом регионе пока ничего подобного не находили, но еще более интересен вопрос соотношения этого комплекса и могильника. Либо людей погребали вблизи этого металлообрабатывающего комплекса действия, либо они сильно разнесены во времени. Но даже если верно последнее (как оно впоследствии и оказалось), все равно в памяти далеких потомков должно было сохраниться представление об особом значении этого места, о его сильной сакральности. Такие представления даже о

поселенческих памятниках хранились в памяти веками, и часто по прошествии нескольких веков на месте древнего городища устраивалось святилище. Тем более это должно было касаться памятника, связанного с обработкой металла. Тогда могильник и погребенные в нем должны были обладать особым статусом в глазах современников. Все эти размышления подтвердились, когда буквально в последний день работы экспедиции прямо на остатках комплекса была обнаружена длинная узкая могильная яма.

И все повторилось: засыпка ямы, в которой была масса кусочков прокаленной и черной земли, деревянное перекрытие из длинных плах, опять слой земли, уже светлой, без пережженных включений. Наконец, деревянный саркофаг с уже знакомыми перетяжками из прутьев или корней растений и глухой звук при простукивании. Только размеры несколько иные: яма в длину больше 2 м. Так же, как и детские, саркофаг напоминает лодку, обращенную “носом” к реке. Та половина его, которая ближе к лесу, дополнительно укрыта берестой, в самом конце, там, где должна быть голова — большое круглое вспучивание. Нам пришлось мобилизовать все свои силы и накопленный за два сезона опыт: на расчистку вероятной мумии и упаковку ее у нас было меньше суток, благо ночи здесь в июле еще светлые.

После того, как был убран слой дерева от саркофага и тонкий слой покрывала из меха, лежащего ворсом внутрь, нас ожидало немалое потрясение: почти вся фигура погребенного от ног до груди была укрыта медной пластиной, представлявшей собой раскатанную стенку целого котла. С такой деталью обряда мы еще не сталкивались и, должна сказать, это впечатляет. Впрочем, то, что оказалось под пластиной, впечатляло не меньше — великолепной сохранности меховые покровы, красные ремни-перетяжки, положенные сверху. Когда мы подняли меха, обнаружилась бронзовая пряжка с головой медведя, боевой железный топор, правда, такой плохой сохранности, что пришлось брать его вместе с одеждой, монолитом, и несколько тоже сильно разрушенных коррозией железных наконечников стрел. Подобные вещи известны в памятниках IX—XI вв. н. э. из Сургутского Приобья, где раскопано

несколько сотен могил эпохи средневековья — но в этом могильнике до сих пор ничего подобного найдено не было.

В области головы, под скрывавшим ее мехом явно просматривалось что-то еще, как бы надетое на голову и закрытое сверху меховым головным убором. Нам пришлось его разрезать и отогнуть. Под ним мы увидели медную пластину, вырезанную из стенки медного котла, обжимавшую голову. Пластина лежала на небольшом по размеру покрывале из толстого, хорошо выделанного меха, и, наконец, когда мы откинули это покрывало, мы увидели лицо мумии. Описать наши эмоции в тот момент я не берусь — ничего подобного мы не ожидали. Потом, несколько остыв и успокоившись, мы рассмотрели все удивительно хорошо сохранившиеся детали: высокие скулы, выступающий нос, довольно тяжелый подбородок, рыжеватые усы и волосы. Термин “выражение лица” применительно к умершему, наверное, звучит не очень корректно, но у него было действительно значительное выражение лица — сразу было понятно, что это человек весьма не простой.

Выемка и пеленание происходили очень трудно: во-первых, погребенный был большого роста (165 см только от головы до ног, без деталей одежды и конструкций, а в общем размер ящика составил 1,80 x 0,90 м), во-вторых, шел третий час ночи и все устали, в-третьих, мы очень боялись сделать что-нибудь не так — потерять объект такой великолепной сохранности было бы совершенно непростительно. Но у нас все получилось хорошо. А потом пошел дождь и подул сильный ветер, под пером некоторых журналистов превратившийся в небывалый шторм, и, разумеется, виноваты в его возникновении были мумии... Но это уже не интересно, так как имеет мало общего с действительностью.

В Салехарде после совещания с нашими непосредственными заказчиками из Комитета по координации научных исследований было решено последнюю мумию в связи с ее уникальной сохранностью отправить в Москву, а три детские, как и собирались, везти в Екатеринбург, обеспечив там надлежащее хранение и изучение объектов.

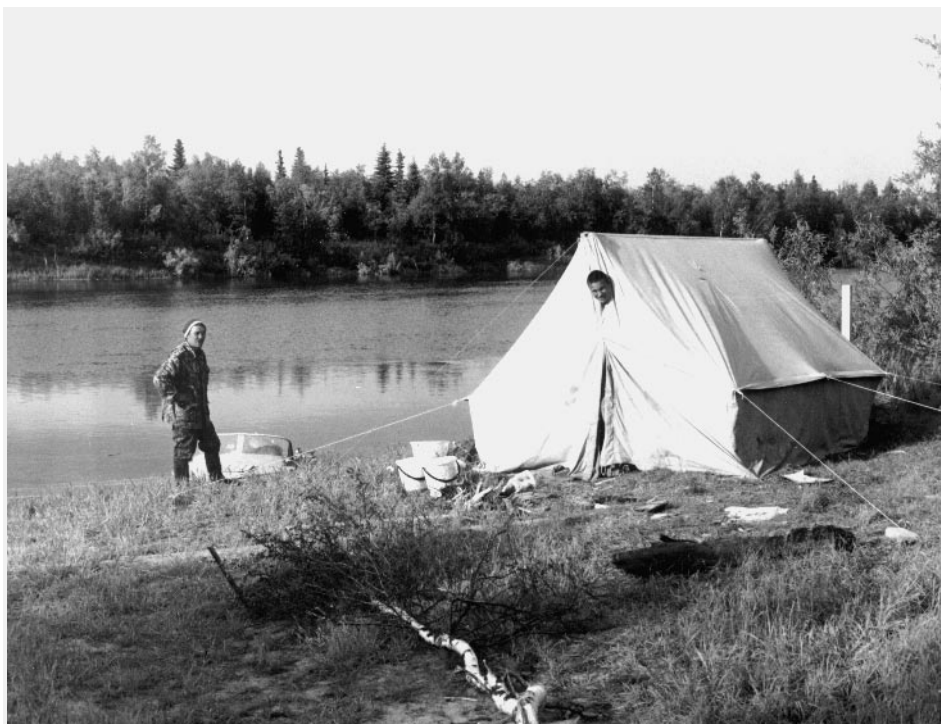
Предварительные результаты

Итак, мумия мужчины из п. 27 в настоящее время проходит обработку в Москве, в НИЦ БМТ ВИЛАР, а три остальные изучаются сотрудниками институтов Уральского отделения РАН, в основном (пока) нашим и Институтом экологии растений и животных, а также сотрудниками кафедры микробиологии УГМА: зав. кафедрой проф. А. Г. Сергеевым и зав. лабораторией С. В. Лебедевым. Они сделают анализы ДНК мумий, определят их половую и расово-генетическую принадлежность, а также постараются выяснить, чем болели эти дети при жизни, и от чего они, возможно,

умерли. Наши коллеги-генетики обмениваются образцами и информацией о ходе исследований с московскими специалистами из группы А. Б. Полтарауса.

Специалистами из Уральского отделения Всероссийского НИИ охотничьего хозяйства и звероводства, в частности Н. И. Мордвиновым, определены меха из погребений: их оказалось 6 видов — олень, бобр, соболь, россомаха, собака, медведь. Н. И. Мордвинов сказал нам, что он очень высокого мнения о качестве выделки кожи и меха. Н. А. Алексашенко, непосредственный участник раскопок и специалист по древним ремеслам, вместе с этнографом Е. В. Переваловой изучают одежду и обувь из детских погребений. Ими установлено, что под пяткой в детских

сапожках лежали небольшие фрагменты медных или бронзовых изделий. Д. И. Ражев занимается камеральной расчисткой и антропометрическим изучением собственно мумифицированных останков. Президиум УрО РАН выделил нашему институту средства на покупку холодильного стеллажа, в котором будут храниться мумии, и на неотложную реставрацию меховых одежд. Словом, процесс идет, постепенно, но неуклонно, как и положено процессу научного исследования.

Лагерь Ямальской экспедиции. В этой палатке была экспедиционная баня

Хочу прежде всего поблагодарить своих коллег — участников раскопок на могильнике Зеленый Яр и жарких дебатов по поводу наших находок и их дальнейшей судьбы. Без вашего участия, друзья, ничего бы не было. Я благодарна нашим салехардским друзьям из Комитета по науке администрации ЯНАО, концерна “Ямалинформ”, Ямало-Ненецкого краеведческого музея и многим другим, у которых мы всегда находили бескорыстную помощь и поддержку. Большое спасибо специалистам НИЦ БМТ ВИЛАР, безропотно взваливающим на себя новые работы по консервации наших “объектов”, коллегам из Института молекулярной биологии и УГМА — если нам удастся подняться на качественно новую ступень в наших исследованиях, в этом будет немалая доля их труда.

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 01-01-00412а.